

Е. Г. Мельникова

Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры

Исследование рецепции – одного из важнейших концептов современной гуманитарной науки – позволяет пролить свет на ретроспективный процесс восприятия и его соотношение с современной интерпретацией артефактов культуры. В предлагаемой статье рассматриваются этапы становления парадигмы «автор – текст – реципиент» в западной литературной критике на протяжении последних пятидесяти лет.

Ключевые слова: рецепция, автор, читатель, рецептивная эстетика, Х. Р. Яусс, В. Изер, структурно-семиотическое направление, Р. Барт, М. Фуко, У. Эко.

E. G. Melnikova

The concept of reception: modern approaches to the analysis of cultural texts

The research of reception – one of the most important concepts of the humanities – allows to throw light on the process of retrospective perception and how it correlates with modern interpretation of cultural artifacts. In the given article we consider the periods of "author – text – recipient" paradigm formation in western criticism for last fifty years.

Keywords: reception, an author, a reader, the poetics of reception, H. R. Jauss, W. Iser, structural-semiotic school, R. Barthes, M. Foucault, U. Eco.

На протяжении столетий фигура Создателя и миф Творца занимали ведущее место в западных интеллектуальных практиках. Идея Бога как автора всего сущего явно или имплицитно вдохновляла традиционную историографию, литературоведение, искусство и другие сферы, с присущим им культом гениальных личностей, сотворяющих произведения. Идея невидимого центра, благодаря которому мир приобретает некоторую целостность и осмысленность, не была отменена в одночасье тезисом «о смерти Бога», поскольку центр и место Бога – это, прежде всего, эффект структуры. Ситуация начала меняться в XX в., когда с 60-х гг. в сферу научного изучения вводится общество, и, как следствие, внимание научного сообщества концентрируется на социальной действенности искусства, проявляющейся в реакции аудитории.

Отождествление сознания человека с письменным текстом как единственным более или менее достоверным способом его фиксации сделало словесность испытательным полигоном для разного рода концепций философского и культурологического характера, в которых культ Автора уступил место культу Читателя, наделяющего слова смыслом и упорядочивающим мир в процессе рецепции произведения.

Первоначально понятие **рецепции** (от лат. *receptio* – прием, принятие) применялось в об-

ласти естественных наук и акцентировало свое значение на восприятии рецепторами энергии раздражителей и преобразование ее в нервное возбуждение. Интерес к рецепции как процессу заимствования и приспособления определенным обществом разнообразных текстов культуры, возникших в другой стране или в иную эпоху, происходит в рамках постструктуралистской (деконструктивистской, постмодернистской) исследовательской парадигмы текстуального анализа на фоне смещения интереса от автора и текста к читателю. Рецептивный подход заключается в том, что произведение рассматривается не как сама по себе существующая художественная ценность, а как компонент системы, в которой оно находится во взаимодействии с реципиентом. В итоге произведение начинает изучаться как исторически открытое явление, ценность и смысл которого исторически подвижны, изменчивы и поддаются переосмыслению. В предельно обобщенном и несколько схематизированном виде можно восстановить следующие этапы становления современной парадигмы интерпретаций, рассматривая отношения «автор – текст – реципиент» в исторической перспективе.

Современный ракурс обсуждения тема рецепции текста впервые получила в работе американского литературоведа У. К. Бута (1961 г.), который, по существу, первым заговорил о «подразу-

меваемом авторе» ("implied author" [15, с. 73]). Далее, на протяжении последующих двух десятилетий можно было бы проследить параллельное развитие двух самостоятельных направлений исследования, каждое из которых до известного момента игнорировало существование другого, – структурно-семиотическое и герменевтическое.

Неогерменевтическая линия представлена немецкой школой рецептивной эстетики. Среди наиболее репрезентативных теоретиков этой парадигмы Х. Р. Яусс, В. Изер. Важной датой в изучении рецепции стал апрель 1967 г., когда в университете Констанца Х. Р. Яусс выступил с инаугурационной лекцией, в которой он изложил исследовательскую парадигму для литературоведения, обозначенную как "Rezeptionsästhetik" (современный аналог в англоязычной историографии "the poetics of reception" [19, с. 3]). Центральным понятием у Х. Р. Яусса является термин «горизонт ожиданий» [14, с. 59], обозначающий комплекс эстетических, социально-политических, психологических и прочих представлений, определяющих отношение автора к обществу, а также отношение читателя к произведению. «Реконструкция горизонта ожидания, в котором произведение создавалось или воспринималось в прошлом» [14, с. 62], помогает восстановить историю рецепции данного текста и вписать его в исторический процесс эволюции литературы. Х. Р. Яусс попытался преодолеть разделение литературы и истории, исторического и эстетического познания, добавив к идее Э. Гуссерля об обязательной творческой активности личности при прочтении произведения еще и идею Г.-Г. Гадамера о необходимости изучать современную для реципиента ситуацию.

Другой представитель школы рецептивной эстетики В. Изер исходит из категории неопределенности литературного произведения, благодаря которой и формируется эстетический опыт читателя. Вариативность восприятия реципиента – «странствующая точка зрения» ("Wandelnde Blickpunkt" [9, с. 137]) – зависит как от индивидуально-психологических, так и от социально-исторических характеристик читателя. Он не полностью свободен в выборе точки зрения, так как ее формирование определяется также и текстом, хотя «перспективы текста обладают только «характером инструкций», акцентирующих внимание и интерес читателя на определенном содержании» [4, с. 191]. Кроме того, В. Изер использует категорию «подразумеваемый читатель» ("implied reader" [17, с. 24]), которая призвана

раскрыть потенциальную множественность значений текста. Работая с «сырым» материалом, каковым представляется написанный, но не прочитанный и, следовательно, не существующий еще текст, читатель вправе делать умозаключения, которые способствуют раскрытию множественных связей и референций произведения – «литературное произведение <...> скорее напоминает партитуру чтения, необходимую для нового читательского резонанса, который высвобождает текст из материи слов» [14, с. 58].

Таким образом, успех рецептивно-эстетической научной парадигмы определялся, прежде всего, разрывом с представлением о независимости искусства от общественно-исторического контекста, введении в сферу исследования читателя и общество, исследованием литературного текста как продукта исторической ситуации. Но постепенно социальный характер норм создания и рецепции литературной культуры был вытеснен из поля внимания исследователей, которые сфокусировали свой интерес главным образом на анализе семантической структуры текста, тем более, что параллельно с рецептивно-эстетическим методом развивалась другое направление исследований.

Принято считать, что структурно-семиотическая традиция заявила о себе в восьмом выпуске журнала «Коммуникации» ("Communications", 1966 г.). В этом номере Р. Барт рассуждал о реальном авторе, который не может быть отождествлен с нарратором. Но еще в 1957 г. в своей работе «Мифологии» Р. Барт выступает против единственности прочтения текста и окончательности в интерпретации его смысла. Восприятие текста, согласно его концепции, определяется уровнем читателя и его подготовленностью к прочтению и интерпретации основных смыслов, сплетенных в ткани текста. В это же время Ж. Женетт начинает разрабатывать свои категории голоса и фокализации (принявшие вид целостной концепции к 1972 г.). Под влиянием работ М. М. Бахтина Ю. Кристева создает свою концепцию семанализа как модели «производства текста» [7, с. 341] и разрабатывает теорию интертекстуальности, затем появляются посвященные вопросам рецепции работы М. Риффатерра (теория архичитателя, 1971 г.), Е. Д. Хирша (1967 г.), С. Чэтмэна (концепция подразумеваемого читателя, 1978 г.). Тогда же М. Фуко (1969 г.) задает тон новым исследованиям через проблематизацию роли авторской функции: проблема автора определялась им как «способ суще-

ствования дискурса» [10, с. 77], где сам факт указания тех или иных имен (как имен авторов) был интересен ученому как факт легитимации и социализации дискурса в данной культуре.

Исследования Р. Барта, М. Фуко и других постструктуралистов имели весьма серьезные последствия. Такая постановка вопроса означала отказ от расшифровки, вычитывания в тексте некоего сакрального, окончательного смысла (который, в конечном счете, обычно присваивается автору), а также создания новых моделей коммуникации между автором (как автором подразумеваемым, присутствующим в тексте), текстом и читателем. М. Фуко удалось конкретизировать понятие Автора посредством сведения его к одному из способов интерпретации текста при помощи закрепления за ним определенного смысла: автор – это «есть функциональный принцип, который ... затрудняет бесконтрольное обращение смыслов, ограничивает свободу в создании произведения, в разложении его на составные части» [10, с. 90].

Особое значение в контексте рецептивного подхода имеет концепция У. Эко, посвятившего этой проблеме немало работ, начиная с 1962 г. («Открытое произведение») и продолжая работами 1990-х гг. («Пределы интерпретации», «Интерпретация и гиперинтерпретация», «Шесть прогулок в литературных лесах»). У. Эко разрабатывал свою концепцию рецепции и интерпретации текста «образцовым читателем» [13, с. 18] в духе наиболее влиятельной в тот период (начало 1960-х гг.) структурно-семиотической парадигмы. «Открытое произведение» и «Роль читателя» – ключевые работы У. Эко, первая из которых поставила вопрос об «открытости» [11, с. 9] текста для интерпретативных усилий читателя, а вторая – закрепила неоспоримость читательских позиций. Уже первая из этих книг была воспринята как интеллектуальная провокация, а У. Эко впоследствии пришлось взять на себя ответственность за эскалацию «открытости» и бесконечности интерпретации, ибо установленная им, казалось бы, четкая иерархия между автором и читателем – доминанта авторского замысла, воплощенного в тексте, над его восприятием – в конце концов, оказалась подвергнутой сомнению (даже если сам автор этого не желал).

Под влиянием теоретиков структурно-семиотической традиции как текст стали рассматриваться не только объективно выраженные литературные произведения, но и культура, общество, история и сам человек. Положение о том,

что история и общество являются тем, что может быть «прочитано», привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит предтекстом любого вновь появляющегося текста. Таким образом, автор всякого текста – художественного или любого другого – «превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры» [8, с. 205]. Важным последствием трансформации культурной традиции в «великий интертекст» является растворение реципиента в вариантах интерпретации полисемантических структур текста культуры, каждая из которых может быть истолкована так или иначе исходя из субъективных предпочтений интерпретатора.

Следовательно, проблема читателя в семиотике и текстуальном анализе в целом противостоит, или, точнее, предшествует идее аудитории как разнородной, гетерогенной, всегда конкретной и незамкнутой группы людей, границы и постоянная характеристика которой отсутствуют. Единственной связью с миром «идеального» читателя является культурная традиция, а единственной жизненной функцией – функция интерпретации. Кроме того, «идеальный» читатель или зритель может быть понят также как категория историческая: каждый текст, программирующий своего интерпретатора, предполагает наличие у реципиента определенной текстуальной компетенции и общность контекста коммуникации. Именно апелляция к исторически конкретным событиям или фактам иногда обеспечивает когерентность воспринимаемого текста.

В конечном счете, останавливаясь именно на этой категории из всего множества существующих концептов, У. Эко и другие теоретики, имеющие близкую точку зрения, используют понятие «образцового читателя» не для выяснения множества его реакций на художественное творение, а для защиты текста от множества интерпретативных решений. Работая с неизвестным материалом, каковым представляется написанный, но не прочитанный и, следовательно, не существующий еще текст, читатель вправе делать умозаключения, которые способствуют раскрытию множественных связей и референций произведения. Таким образом, изменения, происходящие в области изучения рецептивных процессов, обусловлены сложным переплетением различных подходов, вызревавших долгое время в эстетических и семиотических теориях. Данные подходы условно могут называться теориями рецепции: речь идет о специфически общем для современ-

ной гуманитаристики внимания к процессу восприятия, интерпретации и, в конечном счете, сотворения текста культуры реципиентом.

Библиографический список

1. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов [Текст] / Р. Барт; сост., общ. ред. Г. К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – С. 387–422.
2. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. – 351 с.
3. Женетт, Ж. Фигуры [Текст] : в 2-х томах. Т. 2 / Ж. Женетт; пер. с фр. Е. Васильевой [и др.] – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. – 472 с.
4. Зись, А. Я. Художественная коммуникация и рецепция как ее завершающее звено [Текст] / А. Я. Зись, М. С. Стафеецкая; ответственный редактор Ю. Б. Борев // Художественная рецепция и герменевтика: теории, школы, концепции (критические анализы). – М.: Наука, 1985. – С. 168–201.
5. Изер, В. Процесс чтения: феноменологический подход [Текст] / В. Изер; Сост. И. В. Кабанова // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 201–224.
6. Исупов, К. Г. Космос русского самосознания [Текст] / К. Г. Исупов; гл. ред. В.Г. Егоркин // Общество. Среда. Развитие / ЦНИТ «Астерион». – СПб., 2006–2011. – № 1(1)–4 (21).
7. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики [Текст] / Ю. Кристева; пер. с фр. Г. К. Косиков – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
8. Современное зарубежное литературоведение (Страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник [Текст] / научн. ред. и состав. Е. П. Ильин, Е. А. Цурганова. – М.: Интрада – ИНИОН, 1999. – 319 с.
9. Усманова, А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации [Текст] / А. Р. Усманова. – Минск: Проппели, 2000. – 200 с.
10. Фуко, М. Что такое автор? [Текст] / М. Фуко; сост. И. В. Кабанова // Современная литературная теория. Антология. – М.: Флинта, Наука, 2004. – С. 70–91.
11. Эко, У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике [Текст] / У. Эко; пер. с итал. А. Шурбелева; редактор А. Миролубова. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384 с.
12. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст] / У. Эко; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.
13. Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах [Текст] / У. Эко; пер. с англ. А. Глебовой. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 285 с.
14. Яусс, Х. Р. История литературы как провокация литературоведения [Текст] / Х. Р. Яусс; пер. с нем. и предисл. Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 6, № 12. – С. 34–84.
15. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction. – Chicago: University Of Chicago Press, 1983. – 572 p.
16. Chatman S. Narrative structure in fiction and film. – Ithaca: Cornwell University Press, 1978. – 288 p.
17. Iser W. The Implied Reader. – Baltimore: John Hopkins University Press, 1974. – 318 p.
18. Hirsch E. D. Validity in Interpretation. New Haven: Yale University Press, 1967. – 287 p.
19. Martindale Ch., Thomas R. F. Classics and the Uses of Reception. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 352 p.